

ПРИРОДА НЕ ТЕРПИТ ПУСТОТЫ

участвовала лишь в одном эпизоде, но зато как изошренно! Посетив бабушку днем, вечером она привела к ее дому своих друзей, а сама пошла ловить попутную машину и потом терпеливо ждала у подъезда, пока поделники расправятся со старой женщиной и вынесут наружу ее добро.

Ринат Г. и Антон Т. не погнушались ничем. Они забрали не только телевизор «Шарп», кожаную куртку, норковую шапку и два золотых кольца. Они сдернули и накидки с дивана и кресел, и весь хрусталь из «стенки» выгребли, и даже золотые серьги из бабушкиных ушей вынули.

На первом допросе в милиции Люба будет всячески выкручиваться: да, забегала к родственнице как-то раз, все у той в порядке было; а потом услышала, что в тот день ее ограбили, избили и она попала в больницу. Конечно, сразу сообщить ей поспешила. Потом вдруг признается: «Бабушку я хотела ограбить давно...». И даже: «Бабушка причинила мне и моей семье много душевной боли, и я хотела обидеть ее чем-нибудь...»

Вообще, это дело удивительно своими, так сказать, «родственными связями».

Если Люба «обижала» бабушку, то Сергей Г. — родную тетку, сестру своего отца, у которой некоторое время даже жил, после ссоры с родителями уйдя из дома. Пригрели его родственники в буквальном смысле на свою голову. Вначале Сергей украл у них и незаметно выбросил из окна поджидавшему там Антону Т. норковую шапку тетки. Через день он пришел снова: украл шапку теткинго мужа и вынес ее под полой куртки. Еще через день он, воспользовавшись отсутствием родственников, уже не таясь, забрал в теткинго доме ковер и сбросил его из окна все тому же Антону. Но, наверное, слишком уж зачастил племянник в гости: на этот раз его задержали в подъезде работники милиции.

Лена П. обворовывала в основном одноклассников и знакомых. То, побывав в гостях, вытащила из кармана хозяина деньги, то привела в дом знакомого парня своих приятелей Антона и Рината и вместе с ними собрала все, что представляло какую-либо ценность — телевизор «Панасоник», кофемолку, электрофон, термос, плед...

Потом Ринат и Антон «обчистили» квартиру другого ее знакомого. Причем обчистили тоже в буквальном смысле этого слова. Спустившись с крыши пятого этажа на балкон квартиры по веревке, Ринат через дверь впустил Антона. Вынесли они два телевизора, видеоманитфон, фотоаппарат, всю хорошую одежду...

Все наши «герои» — совсем молодые люди. Антону нет и двадцати лет, Любе и Лене — по 20, Сергею — 21 год. На момент судебного процесса ни один из них нигде не работал и не учился, хотя у Антона — молодая жена, маленький ребенок, а годовалого сынишку Любы воспитывают мать с отчимом. Самый старший и «опытный» в группе — Ринат Г. Он к этому времени уже имел две судимости за кражу и грабеж, летом 97-го года только вернулся из колонии и сразу же приступил к «делу»... Начали с родственников и знакомых,

кто станет потерпевшим потом, жизнь покажет. Стражи порядка на время «тормознули» деятельность преступной группы: Сергею — на два с половиной, Любе — на три с половиной, Лене — на четыре года, Антону — на пять и Ринату — на восемь с половиной лет.

Пишу я эти строчки, а сама листаю перекидной календарь. Октябрь на дворе, конец месяца. В годы моей молодости в эти дни мы не вылезали из школ, клубов и дворцов — готовились праздновать день рождения комсомола. Писали сценарии вечеров, учили наизусть патриотические стихи, репетировали концертные номера. Наивные, мы верили в светлое будущее и всеми силами старались приблизить его час: работали, учились, проводили субботники, рейды, дискутировали и мечтали о том, в каком прекрасном мире будут жить наши дети — единственно привилегированный класс государства. Наши комсомольские вожаки были рядом, они шли впереди и вели нас за собой, они присматривали за нами, заставляя учиться и работать.

Не работать и не учиться тогда было просто невозможно. Каждый год в конце лета учителя с тетрадками обходили квартиры, высматривая: не затерялся ли где-нибудь хоть один не охваченный всеобщим средним образованием гражданин. А за трудовым воспитанием бдительно следила милиция: если в течение года четыре месяца подряд не работаешь, значит, ты тунеядец, значит, иди под суд. Да что там говорить: бывало, отпуск без сохранения заработной платы на работе не выпросишь — отпускали лишь раз в год, если, конечно, признавали названные тобой причины достаточно убедительными.

Конечно, мы роптали. Нам не нравились уравниловка, цензура и отсутствие свободы. Конечно, и тогда были пьяницы, лодыри, охотники до чужого добра, хулиганы и убийцы. И мы в полной мере разделяли заботу своего Отечества о том, чтобы очистить его от всякой скверны. И верили, что наступит завтрашний день, когда мы будем жить по принципу «от всех — по способностям, всем — по потребностям» и наши дети будут спокойнее, богаче и счастливее нас.

Наконец, «завтрашний день» наступил...

И тут оказалось, что наши комсомольские вожаки просто дурачили нас. Провозглашая вслух идеи всеобщего равенства и братства, сами скрывали в душе страстное желание разбогатеть и поднатянуться над серой и безликой массой рабов. Оказывается, в великом коммунистическом принципе были пропущены два существенно важных слова, резко разделяющих первую и вторую часть фразы. По-честному она должна была звучать так: от всех ВАС — по способностям, всем НАМ — по потребностям.

Но если способности заложены в каждого из нас родителями и Великим Космосом, то потребности — штука весьма коварная. Они, как мускулы, наращиваются уже при жизни и редко бывают разумными. Чаще мы видим их или гипертрофированно уродливыми, или полностью атрофированными.

Так вот, нахав и удовлетворив тем самым свои гипертрофи-

рованные потребности, комсомольские «пастухи» забыли о своей пастве, бросили ее на произвол судьбы. Теперь слово «идеология» в их устах стало бранным. Да и какая может быть идеология, когда воздух пропитан новыми лозунгами, установками и понятиями? Никому ни до кого нет дела, спасение утопающих — дело рук самих утопающих, если ты умный, то почему такой бедный?.. Разве это можно назвать объединяющей идеей во имя сохранения нации и государства?

Пастухи бросили свою паству, и она разбрелась по бесконечным просторам нашей несчастной Родины, растеряв за годы блужданий многие даже самые простые нравственные устои. Но природа не терпит пустоты, и идеологический вакуум стал затягивать со всех сторон новых лидеров. И кого только к нам не понашло-понаехало! Буддисты и фашисты, адвентисты и анархисты, колдуны и «свидетели Иеговы», экстрасенсы и воры в законе, экстремисты и террористы... Всех и не счесть. Рыщут они по России, подбирают всех заброшенных, утирают им слезы, обещают хорошую жизнь на том или этом свете, дают кусок хлеба или наркотики. Экраны телевизоров заполнили триллеры и «ужастики», а прилавки книжных магазинов — криминальное кино, где убийцы и насильники — супермены, отважные герои нашего времени, а предстатели закона — взяточники и подонки. Выбейте, мол, зрители и читатели, кому подражать. А зрители-то и читатели-то — совсем еще молоденькие мальчики и девочки.

Старики-ветераны и среднее поколение еще как-то выдерживают этот разноликий идеологический прессинг — сказывается прежняя закалка. А молодых просто жалко. Им-то зацепиться не за что. Хорошо, если в семье все в полном порядке. Но сегодня это такая редкость, что и надежды питать не стоит. На школу тоже рассчитывать грешно: униженный нищенской зарплатой учитель — плохой помощник.

Как-то однажды, рассказывая об очередном рассматриваемом ею уголовном деле, судья Валентина Александровна Хазиева сокрушенно сказала:

— Обратите внимание — одна моледа на скамье подсудимых. Сотнями, тысячами отправляем их в тюрьмы и колонии. Мы говорим, что сейчас страшно стало по вечерним улицам ходить. Это еще только цветочки. Колония — страшное испытание для человека, оттуда мало кто возвращается к нормальной жизни. Пройдут наши юные преступники «университеты» за решеткой и колючей проволокой, вернутся назад, вот тогда-то будет по-настоящему страшно даже в своей квартире...

Похоже, день этот приблизился вплотную или даже уже наступил. Ведь не случайно юная мать-одиночка Люба Г. и молодой семьянин Антон Т., обычная девушка Лена П. и начинающий наркоман Сергей Г. попали под обаяние дважды судимого Рината Г. Страшно влияние обаяния человека, прошедшего «университет» колоний! Что там учитель или начальник! Те «отвели» свои рабочие часы, да и — в сторону. А криминал, он как тля ползущая в душу вьедается, навеки там располагается, метастазы дает. Сколько угодно примеров привести могу: в подростковом возрасте по глупости попал в уголовную историю парнишка, «отсидел» свой срок, на свободу вышел и больше никогда ее не терял, а живет весь изломанный и надорванный и другим жизнь ломает.

Так как же и кто же защитит, излечит наших детей от этой опасной болезни? Найдется ли, наконец, такая сила, которая попробует решить эту проблему пусть не в государственном, а в региональном, городском масштабе?

Не знаю. Не уверена. Сильные мира сего заняты экономикой. До людей ли им? Так что этот плач матери и бабушки о детях, внуках и правнуках — может быть, просто глас вопиющего в пустыне.

Соседи недолюбливали бабушку Валю за сварливый характер и жадность. Но когда однажды вечером она позвонила в дверь к Марии Петровне, та, увидев ее окровавленное лицо, невольно охнула: — Кто это вас так разукрасил? — Вызови милицию, Маша, ограбили меня...

Вместе с милицией Мария Петровна вызвала и бригаду «скорой помощи», и 70-летнюю женщину отвезли в больницу. У нее нашли многочисленные ушибы тела, переломы костей на руках, открытую рану на голове. В больницу к травмированной старушке приходили работники милиции и все выясняли подробности нападения на ее квартиру. И бабушка Валя вспоминала события того злополучного дня и рассказывала все по порядку.

Шел декабрь, было достаточно холодно, поэтому на улицу она выбралась только один раз, утром — за хлебом. А потом весь день хлопотала в своем маленьком домашнем хозяйстве. Днем к ней зашла внучка Люба. Сказала, что минутку, но просидела со старушкой больше часа, даже чаю согласилась выпить. Бабушка Валя попросила ее отвести на рынок кофточку: может, купит кто — что ей без дела лежать, еще моль побьет, а тут все же прибавка к пенсии. Люба согласилась. Внучка ушла, а бабушка помыла посуду и понесла ее в шкаф. И тут вдруг обнаружила, что с фигурки каслинского литья, стоявшей там, пропали золотые цепочка и крестик. «Неужели Люба взяла?» — подумала она. Но тут же прогнала от себя эту мысль: «Наверное, сама куда-нибудь перепрятала, надо поискать».

Бабушка Валя была скуповата, но считала себя рачительной хозяйкой, у которой не пропадет ни крошки — все в дело. Она даже гордилась этой чертой своего характера, хотя именно из-за нее частенько ссорилась не только с соседями, но и с родной дочерью. «Ничего Татьяна не поняла в жизни, потому и живет не по-людски — вечно у нее нехватки да недостатки в доме», — думала она про дочь, пока искала цепочку.

В поисках прошло какое-то время. Когда в квартиру позвонили, она пошла открывать, занятая своими мыслями. Глянула в приоткрытую дверь и отшатнулась — с высоты хорошо мужского роста на нее смотрело белосинее чудовище с торчащими изо рта клыками. Она попыталась захлопнуть дверь, но «чудовище» придержало ее,

просунув на порог ногу. А потом все было как в ужасном кино.

Парень в страшной маске затолкнул ее в квартиру и стал теснить к ванной. Она вырвалась, хотела побежать в комнату, но непрошенный гость только разозлился. Он сорвал висящую над дверью металлическую гардину и ударил ею по бабушкиной голове. Она закричала, а он в ответ рявкнул:

— Молчи, старая, а то хуже будет. Бабушка Валя увидела, как вслед за этим парнем в квартиру вошел еще один, в красной маске, как он укладывает в узел ее добро, нажитое годами, и снова заверещала. Тогда «чудовище» стало молотить по старой женщине гардиной куда попало. Она присела, закрыв голову руками, и только негромко ойкала. Уходя, парень в страшной маске вырвал из стены телефонный провод. Когда за грабителями закрылась дверь, бабушка тяжело поднялась с пола и побрела к соседке Марии Петровне, у которой тоже был телефон.

Иногда я думаю, что наш город стал походять на большую тюрьму. Куда ни глянь — повсюду на окнах решетки. А ведь хоть какой решетчатый узор для себя заказывай, хоть в какой цвет ты его крась — решетка, она все равно решетка. Но не случайно жители города обрекли себя на это добровольное заточение, спрятались друг от друга за бронированными дверями. Квартирные кражи — бич нашего времени. Крадут из квартир часто, а находят преступников очень редко. Причем из зарешеченных и забронированных квартир крадут даже чаще, чем из обычных. Впрочем, это нетрудно объяснить простейшим логическим раскладом вора — раз забронировались и решетки поставили, значит, здесь есть что украсть...

Работники милиции непременно спрашивают хозяев обворованной квартиры: кого подозреваете? Как правило, ответ на этот вопрос один: не знаю.

И в самом деле, кто мог знать, что внучка не просто способна стащить из дома какую-нибудь ценную вещь, но и организовать ограбление бабушкиной квартиры? Тем не менее в нашем случае все было именно так. В шеститомном уголовном деле описано девять квартирных краж, совершенных группой из пяти человек. Двадцатилетняя Люба Г.

